

Сулейман Сабаяев, Северная Осетия – Алания

Сулейман Баззеевич САБАЕВ родился в ноябре 1930 года в селении Лескен Ирафского района Северо-Осетинской АССР в семье крестьянина-середняка.

Окончил Московский литературный институт им. А.М. Горького при Союзе писателей СССР, аспирантуру при Академии педагогических наук СССР, докторантуру при ИГУ им. М.Ю. Ломоносова и Центральные офицерские курсы.

Доктор филологических наук, профессор СГУ, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия – Алания и Российской Федерации, действительный член Европейской академии естественных наук, литературный критик, поэт и прозаик.

Является автором 13 книг по актуальным проблемам русской и осетинской литературы, автором учебников для учащихся начальных классов дидактических школ, 6 сборников стихов и поэм, сборника рассказов и повестей.

В центральных и местных средствах массовой информации опубликовал множество научных статей по проблемам литературных взаимосвязей, выступал с докладами на международных, межколонных, региональных научных конференциях в Москве, Ростове-на-Дону, Махачкале, Владикавказе, Тбилиси, Баку и Грозном.

Долгое время работал заведующим кафедрой теории и истории русской литературы XX века, был деканом филологического факультета.

Возглавляет Литературное объединение дигорских писателей РСО – Алания, которое на правах самостоятельного Союза писателей входит в Международное сообщество писательских союзов; избран членом исполкома этой массовой писательской организации.

Является членом Союза журналистов России. Награжден медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», различными почетными грамотами.

В настоящее время ожидается выход из печати новых книг Сулеймана Сабаяева. В дальнейших планах – научная и творческая деятельность.

В сердце мне вошел кинжал Не из стали, – из огня: Слово враг тебе я стал, Отвергаешь ты меня.

Зори, рассветные зори! Речки. Овраги. Леса. Церковь на сельском угоре, Белые гривы овса.

Светлая Родина! Чудо Иконописных берез. Всею душой я отсюда, Здесь я родился и рос.

Облако в легкой косынке Тихо плывет на ночлег. Даже от теплой пылинки Не отрехусь я вовек.

Шепчет о чем-то осока. Дышит свободно, легко. И далеко здесь далеко, И высоко – высоко...

Ренату харису народному поэту Татарстана «Я молвил спру, как чашу браги, Поймай в ночи и, не боясь, испил...» Р. Харис

Мой друг Ренат! Не будем стариной взрывать души туманные глубины. Оглянись – и дышит за спиной болгары, сунны, турки, угро-финны.

Над пропастью стоять одной ногой? Глядеть в те времена с прищуром узкими? Не будем выяснять,

Я прошу: простить сумеи, Не терзай огнем мне грудь, Стань хозяйкою моей И моей царицей будь.

Перевел Денис Устинов

Жених – горец Высоко в горах возрос джигит, Ясным солнцем взор его горит, Горному оленю брат родной... Возвращался раз джигит домой:

Шёл равниной к дорогим горам И судьбу, казалось, встретил там: В какой деде страстью востыла. Вот сватов к зазнобе он послал:

«Наи олень попался в твой капкан...» Но красоте нужен был баран – Тонкорунный, смиренный и ручной, Чтوب ходил за ней на водной,

Чтобы слушал лишь её слова, Чтобы знал, кто в доме голова, Чтобы в горы он ходить не смел, Чтоб на горы даже не глядел...

Не поставим это ей в вину, – Позабыла истину одну: Сколь вокруг ни городи плетень, Не забудет гор своих олень.

Коль ей нужен муж под каблукком, Пусть возьмёт его в селе родном. А джигит найдёт цветок другой, Я на свадьбе буду тамадой.

Перевел Денис Устинов

Забыв часы тревоги, Вновь Каспий, лепеча, Лёг у девичьих ног, Как синяя парча.

Знать, девушка-краса Владикавказе, Тбилиси, Баку и Грозном. Долгое время работал заведующим кафедрой теории и истории русской литературы XX века, был деканом филологического факультета.

Ах, если б молодой был – То на лихом скаку Коня б я осадил Пред ней на берегу

И стал бы гарцевать По кругу перед ней И в мыслях целовать Лик, что луны ясней.

Потом во весь бы дух Достиг небес почти, Чтоб ей альпийский луг На платье привезти.

Ездок из ездоков, Одолевая даль, Из белых облаков Ей выкроил бы шаль.

И сватов, как жених, Заслал бы, торовав. И возладал бы их Сам Каспий – первый сват.

Перевел Яков Козловский

Был предан кровной стороне.

Орёл и жених Кружится орёл в вышине, в синеве, Так плавно скользая всё по кругу, по кругу. И мысль оседает в моей голове, Что ищет и ищет себе он подруку.

Перевел Денис Устинов

Не так ли жених в своих думах ночных Мятётся и грезит о встречах с любимой? Всё мается, мечется в снах молодых, О встрече с единственной, неповторимой...

Зачем же, орёл, ты взлетел высоко? Там только безмолвие, простор беспредельный! Спустился бы ниже – подруку легко, Скорей бы нашёл ты в юдоли скудельной!

Эй, юноша, слышишь – вокруг оглянись: Смотри, во плоти сколько рядом невест-то! Едина, неповторимая жизнь... На нашей, на грешной земле ей лишь место!

Пусть грёзам – удел леденящих высот, Забланных далей и бездны незримой, Бесплотной мечты отвлечённый полёт... А счастье – оно на земле лишь родимой!

Перевел Глан Онанян

Сердце бедного – с нами богато, А меня-то и сон не берёт. Надо мной мои думы крылато Саой сердечный введут хорород.

Раз на свадьбе ближайшего друга Я девичью одну увидал! Переплелкой с цветастого луга Упорхнула, пока я вздыхал...

О, хотя б на короткое время Мне орлом бы взлететь на улёт! Я б равнулся б к ней крыльями всеми И в свой горный бы домок унёс!

Перевел Глан Онанян

Я оставил в горах свой очаг – Так влекла и манила равнина! И оставил я сердце в горах, Только тело унёс осетина.

В одиночестве сердце теперь На охоту в горах моих ходит И стелает, как раненый зверь, Меня кличет, тоскою исходит...

Сколько можно жить порознь, страдая, Нету сил моих больше, и к лету К нему снова приду: опять Бросив всё, к нему снова приду!

Перевел Глан Онанян

Капля утренней росы Роса рассеянная сполна Себя отдаст траве и злакам. И подражания добрым знакам Да будет для меня она!

Я рад отдать всего себя Во славу отчего предела. И сыновьям его, любя, Желать завидного удела.

Окончить жизнь желанно мне В заботах о благих посевах, Чтоб говорил: «Он в напевах Был предан кровной стороне».

Перевел Яков Козловский

Владислав Кириллов, Удмуртия

Владислав Кириллов родился 2 декабря 1956 года в русской деревне Атабаево Можгинского района Удмуртской АССР в семье учителя. С детства увлекался литературным творчеством. Печатался в периодической печати Удмуртии. Был корреспондентом детской республиканской газеты «Дась лю!».

Окончил Удмуртский государственный университет в 1984 году, стал преподавателем-филологом. С 1985 года работал директором Бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей Удмуртии. В 1991 году избран председателем правления Удмуртского отделения Общероссийской общественной организации писателей «Литературный фонд России».

Активно организует издание книг и оказывает материальную и юридическую помощь членам литфонда и вдовам литераторов. Первую свою книгу «Лыма корка» («Снежный домик») выпустил в издательстве «Удмуртия» в 1988 году. Членом Союза писателей России стал в 1998 году.

На данный момент Владиславом Кирилловым уже издано девять поэтических книг общим тиражом 5000 экземпляров, некоторые из них переведены на русский, мордовский, марийский, коми-пермяцкий, эстонский, татарский, абхазский языки. Владислав Германович Кириллов – лауреат негосударственных республиканских премий: им. Кузбета Герда, Ивана Михеева и Айво Иви. Стихотворения поэта лиричны и напевны. В народе особенно известна песня «Девушке дарю цветы».

Осенний лист Светлой памяти деду Федота

Осенним днём, на грани тьмы и света, Примолкший лес пронзительен и чист. Все краски мая, все оттенки лета Впитал в себя его лучистый лист.

И этот вот листок спешит куда-то, А может быть, он помнит свой источник: Могила неизвестного солдата, Её огня прозрачный лепесток?

Кружит листва, таков закон природы, Но он благую весть в себе таит: Живому – жить... Проходит беда, годы – Живому – жить. На том Земля стоит!

Перевел Анатолий Демьянов

Осенняя гроза Памяти Валерия Тихонова

Воробы затихли под стрелою, Затаились пчёлы и шмели: Поздняя гроза на мир нисходит, Зреют вихри с ливнями вдали.

Темное последнее ненастье Осень за собою привела – Слово ворон беспросветной масти, Туча с оком прильпала.

Пляшут тучи плотные, играют По лесам, на реках, по лугам – И зрелищ, лады перебирает Яростный небесный чпичирган.

Здесь всё из березы В берёзовой роще у речки Юмы Стоит деревенка, вся белая, чистая. Здесь всё из берёзы: колодцы, скамьи, Все избы, заборы, как снег серебристые. На каждом окошке – наличник резной, И пахнут берёзой кадушки и доски. Здесь люди чисты и открыты душой И сами как будто из светлой берёзки.

Перевел Анатолий Демьянов

Цветы Посвящаю жене Людмиле

Когда цветы единственной дарю И губы непослушные немеют, Я вечных слов любви не говорю – Цветы их сами скажут, как умеют... Они ещё свежи, ещё чисты, Хоть близится закат их доли кроткой, Но я дарю единственной цветы Без грустных слов о жизни их короткой.

Я счастлив, что цветы не только мне К надежде путь-дорогу освещают, И в нежном их медлительном огне Я вечность вижу, сердцем ощущаю... Когда дарю единственной цветы И со словами светлыми не скажу – Цветы помогут: их слова святы, Цветы и молча всё, что надо, скажут!

Перевел Анатолий Демьянов

Удмурт Элькун Удмурт Элькун, мой край родимый: Угоды, пажити, леса, – Родимый, неперевоимый На все иные голоса,

На все речения иные – Удмурт Элькун, земля отцов... Рассвета волосы льняные, Зари румяное лицо...

Значенье колонны сосен, Златого солнца вышина, И рыжая, как золото, осень, И жита златорыжина.

И в свежести своей нетленны, Прозрачны от веку веков – Живописные вены Ключей, рекушек, родников.

Отрадно, что в огромном мире Корнями не бездомен я, Что есть во всей красе и шире, Удмурт Элькун, земля моя.

Осенняя гроза Памяти Валерия Тихонова

Воробы затихли под стрелою, Затаились пчёлы и шмели: Поздняя гроза на мир нисходит, Зреют вихри с ливнями вдали.

Темное последнее ненастье Осень за собою привела – Слово ворон беспросветной масти, Туча с оком прильпала.

Пляшут тучи плотные, играют По лесам, на реках, по лугам – И зрелищ, лады перебирает Яростный небесный чпичирган.

Удмурт Элькун – Удмуртская Республика

Будто о седом, о прошлом греза, Заглушает плеск и рокот струй, А за ним вступают звуки креста – Двадцать шесть певучих древних струн.

Перевел Анатолий Демьянов

Как шырпы-мышонок средь водочки, Я промок до нитки, до нутра. Мне б шырпу сейчас – коробку спичек: Вдуть огонь, обсохнуть у костра.

Перевел Анатолий Демьянов

Я слышал Я слышал Разговор между людьми: «Ты не чужих – Своих детей корми. Детей чужих Душою не обнять, И всей чужой печали Не унять».

Но разве есть они – Чужие дети? Но разве есть Чужая боль на свете?

Глаза любимой Не прячь, моя милая, взор, – Глаза у тебя хороши, Глаза твои – словно озёра Бесценной и чистой души.

Там памятка неба живая, И, если в неё заглянуть – Твердь свои забывая, Там немудрено утонуть,

Забывать, забыть, затеряться, Пропасть без покрывки и дна, На всякое лицо собираться, – Всевастаня очей синева.

Бессильна судьба одиночки, Пуста, как сухая лоза... Я б, может, не выдал ни строчки, Когда бы не эти глаза.

Древо луни Лул – душа... И удмурт глубоко почитает, Уважает ольховое древо – луплу. Он особенной кажную ветку считает И не видит в ольховнике только толпу, Ибо даже в ольховой пространственной роще

На обсинку всякое древо шумит И по-своему кроною в небе пощипет, И душа от друзей по-цумо цемит... Не удобна ольха на древе и строенье, Оттого не охочи к ольхе топоры, Нету в дереве этом высокопарья, Некрасива шершавая серость коры...

Но душевна ольха! И стремления духа Обиталища влажных, несласковых мест Блазотворны тому, в чьей планиде – поруха,

Словно слово надежды и добрая весть. Вся земной на земле изначально не вечен, Вся земной обречён неизбежной тиши, – Но и всяк же таинственным жребием мечен,

Как луплу – сокровенное древо души.

Перевел Анатолий Демьянов

Николай Рачков, Ленинградская область

Николай Борисович Рачков родился 23 сентября 1941 года в с. Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. В 1964 году окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Лауреат литературных премий, в том числе Большой литературной премии России «АПРОСа». Секретарь правления Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Живёт в г. Тосно Ленинградской области.

Не устаешь от простора, Хоть от любви зарыдай... Ты мой прият и опора, Велкорусская даль!

Зори, рассветные зори! Речки. Овраги. Леса. Церковь на сельском угоре, Белые гривы овса.

Светлая Родина! Чудо Иконописных берез. Всею душой я отсюда, Здесь я родился и рос.

Облако в легкой косынке Тихо плывет на ночлег. Даже от теплой пылинки Не отрехусь я вовек.

Шепчет о чем-то осока. Дышит свободно, легко. И далеко здесь далеко, И высоко – высоко...

Ренату харису народному поэту Татарстана «Я молвил спру, как чашу браги, Поймай в ночи и, не боясь, испил...» Р. Харис

Мой друг Ренат! Не будем стариной взрывать души туманные глубины. Оглянись – и дышит за спиной болгары, сунны, турки, угро-финны.

Над пропастью стоять одной ногой? Глядеть в те времена с прищуром узкими? Не будем выяснять,

мой дорогой, в ком больше слез – в татарине или в русском.

Ренат Харисов! Вот моя рука. Признаем оба, чувства не скрывая: слоптили нас могучие века, одной Державы слава мировая.

Пусть недруг не вынашивает план, замешанный в котле политиканства. Он никогда не вырвет Татарстан из русского священного пространства!

Пусть мир до основания раскалён – поёт строка, как тетива тугая: в созвездье поэтических имён звезда сияет Габдуллы Тукая.

Поэзия – пленительный престол. Не меркнут среди родственного крова, зовут к единству пушкинский глагол, Мусы Джалиля огненное слово.

Ещё звенят казастские ключи, к ним припадают избранные Богом. И ты, испивший молнию в ночи, сумел сказать пророчески о многом.

Сквозь радость обретенной, боль утрат, среди шатанья, глума и разброда стоять нам заодно, мой друг Ренат. Во имя чести нашего народа.

Магомеду Ахмедову (при получении книги его стихов «Тайный час»). «Я гусар Николай, Ты мюрид Шамиля». Д. Кедрин.

Тебе восторженный привет Я шлю из северного стана, Приятель славный Магомед, Певец седого Дагестана!

И что нам отшумевший бой! Всё тише он для нас, далече. Лицом к лицу И мы с тобой Сходились, может, в жаркой сече.

Рубились молча егеря. Лежали мы в крови заката. Я был тогда слугой царя, Ты – кунаком Хаджи-Мурата.

И, может, там, где был завал, Где меж камней струился ключик, Травую шашку отирал Полка Тенгинского поручик...

Всё так. Но только с давних лет Мы столько вместе пережили,

И столько радостей и бед В судьбу единую сложили!

Моё село и твой аул Навек в одной державной доле. И, как сказал мудрец Расул, Нас не разять по доброй воле.

Мы держим пост сторожевой, Несём достойно эстафеты. И тот народ ещё живой, Покуда есть свои поэты.

Всем сердцем, всем своим нутром Мы чуюм режиссуру драмы, Какой уже вселенский зром Грохочет, вламываясь в рамы.

Но, друг, зачем наверняка Твердить об этом катаклизме? Мир жив И будет жить, пока Мы пишем о любви и жизни.

О дружбе! Слышишь, Магомед? И пусть, разлад людской смиряя, Твоей строки волшебный свет Сияет, души озаряя...

Прекрасна Русь, хорош Кавказ! Мы рады встрече, как подарку. И мы с тобой ещё не раз О чарку нежно стукнем чарку...

На горных вершинах Осетии чудной, Устав от дороги, далёкой и трудной, Снят тучи, лежат облака. Когда станет тесно узким ватагам И молния в скалы ударит зигагом, Срывется с неба река.

И вмиг оживают крутые теснины, И горы свои богатырские спины Под ливнем сбивают чуть-чуть. И с лёгкостью волю почуявший Терек Швыряет громадные камни на берег И рвёт себе дикую грудь.

Но солнце, как прежде, встает над горами И крест серебрится на каменном храме В ущелье, в глухой стороне. И вест незбылмым духом могожим, Как будто промчался по скалам и кручам Георгий святой на коне...

«Определение правды может быть только нравственным и никаким иным». В. Распутин

Страна одна – не всё ль едино, Одна и даль её, и ширь. И всё-таки какого сына В свой срок преподнесла Сибирь!

Путь творческий тернист и труден, Но нет, не взяла его испуг.

Когда мы говорим: Распутин, – Мы строже делаемся вдруг.

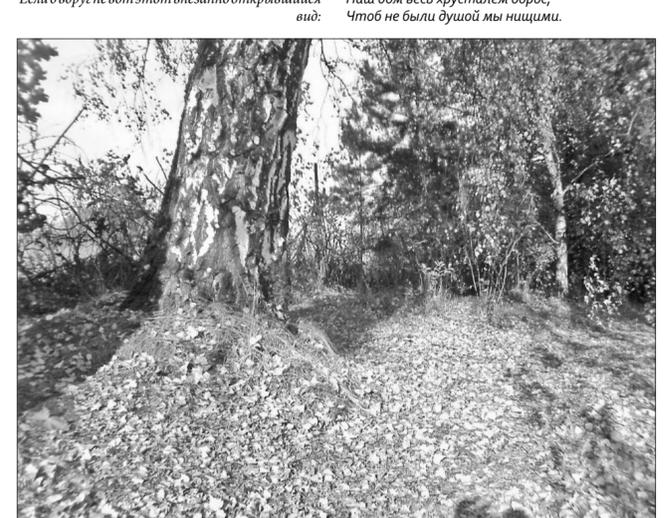
Егда волнением встречаем, Он много нам поведал впрок. Он как Байкал – неприручаем, Как это озеро – глубок.

Пожар всего родного крова Со своего узрел крыльца. Его взыскующее слово Взрывает русские сердца.

И всё не так уж безнадежно, Увидеть бедной жизни дно? Всё, что безнравственно и ложно, Спокойно не даёт уснуть.

Легко ли нам, читая повесть, Твердить об этом катаклизме? Но там, где правда, – там и совесть. Другого в мире не дано.

Я, наверно, сегодня стихи сочинять бы и бросил, Если б вдруг не вот этот внезапно открывшийся вид:

Над притихшей водой васнецовой Алёнушкой Под окнами идёт мороз, Покрыпывая сапожниками.

В сарафане старинном о чём-то волшебном осень густит. Идёт играючи, дура, Мол, вот он я, хоть вы не просите. И крылышком от неспиря Заря в его мелькает проседи.

Я увидел с утра, как овечим тулугом оделся

Идет играючи, дура, Мол, вот он я, хоть вы не просите. И крылышком от неспиря Заря в его мелькает проседи.

Расплывчат солнца белый шар, Под кровельки забилась голуби. Мороз в объятьях речку сжал,

Да так, что пар идёт от проруби.

Ай, молодчина! Ай, хорош! Трещат стволы в лесной обители. ...А нам-то что! Нас не возьмёшь. Мы что, зимы такой не видели?

Верните русскому деревню! Он без деревни станет тенью, В тоске погибнет, во хмелю. Верните русскому деревню! – Кричу я небу и Кремлю.

Беда немсласная сгрудит, Возьмёт Россию в оборот. Единым без земли не будет Землёю вскормленный народ.

Недаром, сътости не зная, Ключёт деревню воронёй. Она – душа его болящая, Верните русскому её.

Гнушаясь тягостной заботой, Не зная адова труда, Делите недра и заводы, И города, и города.

Перенесёт он перерезку И перерузки, но вовек Не будет без деревни русским Исконно русский человек.

Звьяво к вашему прозрению, Она совсем не тот пирос. Верните русскому деревню, – И Русь никто не свалит с ног.

Незабудки В душе немало памятник зарубок, Одна из них пронзят меня насквозь. За нашим домом море незабудок В июне несласно разлилось.

Раскинув руки, за калиткой сада, На голубой качаюсь глублине. Я утонул. Меня спасти не надо. Я утонул. Забудьте обо мне.

Соловей О чём он, маленький, невзрачный, поёт в кустах в округе дачной? А он в черемуховой снежности сдразнит от любви и нежности. Поёт, как могут только гении. И все внимают в удивлении. Так раздробится, что раскатится, что жизнью, может быть, расплывится. Поёт, в любви не притворяется, и никогда не повторяется.